

КАРИНА ДЕМИНА

ПОЧТИ
ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ
ВОСТОК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ДЗО

Оформление — *Марина Самойлова*
Иллюстрация на обложке — *Anne Svart*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

ДЗО Почти цивилизованный Восток: [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой).

ISBN 978-5-17-155648-8

Заговор раскрыт, злодей повержен, и мир, что характерно, уцелел. Вот только девушки продолжают пропадать, запретные ритуалы проводятся, а за закрытыми дверями одного весьма известного клуба вовсе творится нечто престранное. А стало быть, есть работа. Пусть даже на цивилизованном Востоке работать не принято.

Особенно леди.

Леди должна вести хозяйство и радовать мужа? Милисента пытается. Честно. А если что-то пойдет не так, то она не виновата.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155648-8

© К. Демина, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1, в которой барышня из приличной семьи находит приключение

Он был женат пять раз, а потому в ведьмах понимал куда больше иных храмовников.

Из жизни обывателя

— Дорогая. — Его губы коснулись ладони, и прикосновение обожгло даже сквозь перчатку. Кровь моментально прилила к щекам Эвы, а сердце заколотилось с такой силой, что стало страшно. — Все будет хорошо, дорогая... поверь мне.

Эва кивнула.

— Вот, выпей. — Человек, лучше которого в мире не существовало, поднес флягу. Три глотка.

Первый дался тяжелее всего. Содержимое фляги было густым и тягучим, а еще горьким и одновременно — приторно-сладким. Что-то чувствовалось в нем знакомое, напоминающее запахом содержимое хрустального графина маменьки.

Того самого, трогать который Эве запрещали строго-настрого.

А еще из фляги пахло травами. И запахи эти, и вкусы тревожили. Или дело не в них, а просто Эва уродилась такой вот тревожной?

Или... нет.

Это Происшествие сделало ее такой.

— Пей же. — Показалось, что в голосе Стефано проскользнули раздраженные нотки.

Конечно, показалось.

Он... он просто волнуется. В любой момент Эвы могут хватиться. И даже... даже с учетом того, что Энни обещала, даже клялась своей красотой, это еще ничего не значит. И надо спешить. А Эва опять не способна сделать даже ту малость, которая от нее зависит.

Всего-то...

Второй глоток. И ощущение липкой сладости во рту. Его хочется смыть водой. Но воды нет, а есть крепкие руки Стефано.

— Умница, девочка. Осталось немного. Сейчас ты уснешь. Очень крепко уснешь, — его голос теперь звучал мягко. Но флягу Стефано не убрал. — Давай еще. Пей, милая, пей...

Травы...

Чабрец, собранный на растущую луну. Безобидная травка, как полагают многие. И аптекари согласны. Сушая правда, между прочим. Полезная даже. И лихорадку лечит, и легочные хвори, а еще многое иное. Но это если обычный. Для Тори собирали иной чабрец, что появлялся на краю старого семейного погоста. Хрупкие лиловые веточки ломались в пальцах и норовили вовсе рассыпаться трухой.

Маменька тогда поджимала губы, и в этом снова виделся упрек.

Будто... будто Эва виновата в том, что случилось.

Голова закружилась.

— Ляг. — Стефано не отпускал ее. — Закрой глаза. Не сопротивляйся. Поверь, все будет хорошо.

Кажется, на Эву швырнули плащ.

У чабреца вкуса почти нет, только аромат. Некоторые мешают его с чаем, но маменька полагает, что это признак дурного вкуса. Чай если и можно с чем мешать, так это с молоком и лимоном. И то...

Мысли путались.

— Ну что она?

— Крепкая. — Голос Стефано теперь доносился словно издалека и сделался таким... таким... незнакомым. Из-за зелья. Могильный чабрец приносит облегчение при болях. И может снимать судороги. Особенно если смешать его с аконитовым соком. Но и аконит нужен непростой, болотный, черный. Он ядовит, а потому следует проявлять особую осторожность. И капли на коже хватит, чтобы сердце забилося быстрее.

И еще быстрее.

И...

— Других вон с глотка вело, а эта три сделала.

— Не многовато?

— В самый раз.

— Ну... не знаю... она вона, какая-то белая вся. Не окочурилась бы ненароком.

Шеи коснулись ледяные пальцы, потом они же ощупали руки.

— Много ты понимаешь. Это ведь девица из благородных. — В голосе Стефано прозвучала такая нежность, что Эва с трудом удержала улыбку.

Все будет хорошо.

Все обязательно будет хорошо.

Она ведь... она поступает дурно. Но маменька и тем паче отец никогда не дали бы согласия на брак. Пусть даже других желающих взять Эву в супруги и нет. Родители Стефано тоже будут против. Ему предназначали другую невесту, и хотя о помолвке еще не объявили, но ведь слово дано. Сама эта мысль заставляла душу гореть огнем. И Стефано тоже не радовался. Вот и предложил побег, а Эва все не соглашалась, не соглашалась, пока не представила, как будет жить дальше.

Одна.

Старая дева. И вечная сиделка при Тори, а она ведь не виновата! Она ведь действительно не виновата... И Эва решилась. Она оставила письмо. Энни передаст. Потом. Позже. Маменька, конечно, рассердится. И отец. Но поймут.

Обязательно.

Поймут и простят.

А потом Эва вернется домой. Обязательно вернется, пусть не сразу, но когда Стефано получит дядюшкин титул и она станет графиней... графиня Шербери, это ведь красиво... они и простят.

И обрадуются.

— Живая. — Пальцы убрались. — Просто Силы в ней прилично, хоть с виду и не скажешь, но камушек еще не ошибался. Видишь, как ярко горит? Стало быть, не просто одаренная, а с сильной искрой. Заказчик будет доволен.

Плащ накинули на лицо, и дышать стало неудобно.

А на плащ швырнули сено. И еще. И... так надо.

Для безопасности.

За Стефано тоже следят.

Странно, что мысли не исчезли. Обычно, когда Эва засыпала, она не видела снов, просто проваливалась в густую тягучую черноту. А тут такое ощущение странное. Тело вот она тоже ощущает. Все. И мизинец на левой ноге, натертый

новыми ботиночками. И прыщ на пояснице, к которому горничная прикладывала корпию с касторовым маслом, но то не помогло.

Горничную жаль.

Она хорошая. И всегда Эву утешала. И даже как-то притащила ей булочку с кухни, хотя маменька строго-настрого запрещала Эве есть булочки. От них прыщи и появлялись, и ладно бы только на спине.

Нет.

На лице тоже.

Правда, сейчас лицо словно окаменело. И тело. Мысли плавали, и приходилось делать усилие, чтобы задержаться хоть на чем-то.

Брат уехал.

Вовремя. Он бы точно не допустил побега. И долго, нудно отчитывал бы Эву. А Стефано... нет, он хороший, а Бертрам просто не понимает, каково Эве.

Никто не понимает.

А Стефано понял и... и чудо, что он есть.

Эва потянулась к нему и поняла, что это происходит снова! Она не хотела, она... она боялась! Но теперь страх тоже был каким-то не таким.

Из-за трав.

Кладбищенская ромашка имеет особый вкус, правда, почему-то только Эва его ощущает. Может, права маменька, что дело не в ромашке, а в мнительности Эвы? И... и в том, что ромашку добавляли в вечерний отвар. Вместо чая.

Вот она и привыкла.

Под вкусом ромашки хорошо маскировать иные травы. Красную кровохлебку и ядовитый лютик, тот, который болотный.

Странная смесь, если разобраться.

Эва знала о свойствах... и поднялась. Вышла и увидела... себя, укрытую плащом. Не слишком чистую солому, местами и вовсе смешанную с каким-то мусором. Крышку, которую ставят на ящик. И сверху наваливают мешки. От мешков исходит дурной запах, который пробивается вниз, под крышку. И будь Эва в сознании, она бы точно лишилась чувств от этой непередаваемой вони.

Ящик зацепляют. И тянут.

Ставят на повозку к таким же ящикам. И Стефано деловито ходит вокруг.

Волнуется.

Хоть кто-то тревожится о ней, об Эве... и от радости вдруг стало легко-легко, настолько, что нить, соединяющая душу с телом, истончилась до крайности.

И Эва заставила себя успокоиться.

Надо... после Происшествия маменька строго-настрого запретила ей использовать Дар. И правильно. Ведь могло бы повториться. И... и вообще, к чему это?

Девушке из хорошей семьи надо думать о вещах действительно важных.

Например, о замужестве.

А не о путешествиях души вне тела.

— Не жалко ее? — поинтересовался кривой и поразительно некрасивый возница, забираясь на козлы. Он и двигался как-то боком, да и Эва видела темное облако, окружавшее этого человека.

Проклятье.

И давнее. Пусть даже несформированное, неоформленное и какое-то... какое-то не такое, будто сплетенное из разных... точно. Как интересно!

Эва впервые такое видит.

— Сама виновата, — пожал плечами Стефано и ловко забрался в фургон. Тот был грязен и невзрачен и ничем не отличался от прочих, заплотнявших городок.

Вот возница цокнул языком, свистнул, и меланхоличная лошадь тронулась с места. Загрохотали колеса по мостовой, и ящики затрясло.

Будь она в сознании...

Стефано пополз куда-то вперед, где обнаружился закуток, отгороженный от основной части фургона доской. Места там было мало, но Стефано всегда отличался какой-то невероятной стройностью. И это его смущало. А Эве, наоборот, нравилось.

Виделось в этой subtilности и хрупкости нечто донельзя изысканное. Благородное. Как в книге, где сила не важна, а главное — красота души.

Ехали.

И ехали.

Долго. Она уже и заскучала. Верно, поэтому и решилась... ну еще потому, что возвращаться в тело не хотелось категорически. Ладно, когда оно просто спит, но сейчас-то тело лежит запертое в тесном ящике, а его окружают вонючие мешки.

...Но до чего ведь хорошо вышло!

Маменька с утра получила письмо, что брат возвращается. Правда, толком Эва не поняла, один ли, с невестой ли... и останется ли та невестой после возмутительного побега. Маменька, когда о нем узнала, чувств лишилась, а потом неделю вовсе в постели провела с мигренью и недомоганием. Правда, услышав, что Бертрам отправляется следом, как-то взяла и поправилась.

И даже потребовала оставить безумную идею, но...
Неважно.

Колеса перестали подпрыгивать, и лошадка прибавила шагу. Бедная. Ящики выглядели тяжелыми. А Эва всегда лошадей любила. Правда, те не отвечали взаимностью, но так что ж...

Главное, что маменька после отъезда Бертрама сделалась совсем невыносимой. А письмо получила и обрадовалась. И вовсе в городской дом отбыла, потому как его надлежало подготовить к возвращению брата. А еще с собой Камиллу прихватила, которая в ином разе точно заподозрила бы неладное. То ли дело Ниса. Ниса Эву любила и жалела.

И отпустила на вечера к Энн.

Что...

Все-таки чем так воняет-то?

А Стефано, изогнувшись совершенно невообразимым образом, разделся. И костюм сложил бережно. А потом облачился в какие-то обноски. Вытащив из груды соломы ящик, извлек оттуда флакон и тряпицу. И, смочив ее, принялся тереть лицо.
Зачем?

Эва открыла рот. Белая кожа вдруг потемнела, будто... будто Стефано загорал. Вот он коснулся пальцами глаз и вытащил оттуда что-то, отчего глаза из ярко-голубых, заморозивших когда-то чистотой и цветом, сделались коричневыми.

А его волосы... он потерял их полотенцем, и светлые кудри обрели черный цвет.

Это... это не Стефано!

Это кто-то совершенно незнакомый!

Повернувшись на бок, незнакомец зевнул. И пробормотал что-то, погружаясь в дремоту, а что, Эва не разобрала. И... и запах ему не мешает, и само это место. А в качестве подушки он использовал камзол из зеленого бархата.

Но... но разве так можно?

Эва растерялась.

И... и вспомнились вдруг разом истории.

Нет, это... это не может быть правдой.

Эти истории рассказывают всем барышням. О коварных соблазпителях, о... но Стефано не пытался соблазнять! Нет! Его поведение всегда отличалось похвальной сдержанностью. Энни даже, признаться, сомневалась, влюблен ли он. Она читала в одной книге, в той, которые нельзя читать благопристойным девицам, но горничная книгу принесла за три серебряных, так вот, там мужчина всегда жаждал от возлюбленной поцелуев.

А Стефано — он даже руку держал бережно, будто та... хрупкая. Хотя Эва никогда себя хрупкой не считала. Маменьку это очень расстраивало. Она все пыталась повлиять и даже запретила есть что-либо кроме овсянки, но тут уж, слава богу, отец вмешался.

Не сразу.

Когда Эва в обморок упала и потом еще слегла с простудой, а целитель долго, муторно что-то такое говорил, а что именно, Эва не помнит. Но главное, с тех пор на столе кроме овсянки появились иные блюда.

Она слотнула. Есть хотелось. С утра в рот ни крошки не лезло, а теперь вот захотелось.

А Стефано... просто... просто он тоже маскируется!

Конечно!

Его ведь станут искать. И... и когда мама узнает, и его родичи, само собой. Он ведь наследник... он... постарался сделать так, что никто теперь не признает в этом странном страшном оборванце утонченного Стефано.

Эве даже задышалось легче.

Выдумала.

Опять она...

Но мысли не отпускали. Почему тогда Стефано не рассказал о смене облика? Почему не предупредил? Она-то, проснувшись, могла бы испугаться.

Эва потрясла головой, и от этого движения ее повело в сторону.

Потянуло.

И...

И она когда-то путешествовала. С маменькой. В маменькином же экипаже, который был куда комфортнее старого фургона. Правда, родительница не разрешала выглядывать

в окно; и вообще, нужно было молиться всю дорогу. Может, поэтому Эва и не запомнила этой дороги.

А тут...

Поля.

Огромные. И деревья. Тоже огромные. Невысокие ограды, сложенные из валунов. Ощущение пространства, такой вот незнакомой безумной свободы, когда хочется взмахнуть призрачными руками-крыльями и взлететь.

Нельзя.

Слишком опасно.

Улететь легко. Вернуться сложнее. И Эва сумела удержаться. Она всегда отличалась благоразумием. Правда, маменька почему-то не верила... неважно.

Главное, она удержалась.

И *зацепилась*, если можно так сказать. Она сидела рядом с человеком, который держал в руках поводья. Поводья были старыми. Руки в грязных перчатках с обрезанными пальцами — некрасивыми. Сам человек тоже. Где только Стефано его отыскал?

Впрочем, какая разница.

Главное, человек этот был готов помочь барышне, что оказалась в затруднительном положении. И Стефано, конечно. Лишь бы денег хватило... нехорошо. Деньги пришлось взять из маменькиного секретера, те, что она оставляла на хозяйство. Но Эва потом вернет. Когда Стефано получит титул и маменька... она может, в конце концов, забрать долг из приданого Эвы.

Жаль, что само приданое — не золотые монеты в шкатулке. То есть оно, конечно, деньги, но лежит в банке. И управляющий Эве его не выдаст.

И даже мужу ее не выдаст, потому что дедушка так придумал.

Все они...

В какой-то момент просто сидеть и смотреть стало скучно. А ничего другого Эва не умела. После Происшествия ей строго-настрога запретили обращаться к Дару.

И даже надели серебряный медальон.

Но Стефано его снял. Да... побег — это дорого. И им все-таки придется на что-то жить. Недолго. Ведь дядюшка Стефано стар и болен, и... но Эва вернет.

Все до последнего пенни.

И правильно она поступила. Правильно...

Глава 2,

в которой приключение барышни продолжается, а у самой молодой особы появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути

Повозка останавливалась дважды. В первый раз она свернула с дороги, чтобы задержаться на какой-то ферме. Эва с удивлением разглядывала грязные дома, меж которых бродили тощие свиньи и неряшливо одетые люди. Здесь Стефано встретили как доброго знакомого.

Заросший черной бородой тип похлопал Стефано по спине, и они ушли в дом. А из повозки стали вытаскивать ящики. Обычные. Тот, в котором лежала Эва, не трогали. Только крышку подняли и человек, не Стефано и не кучер, другой, совершенно отвратительного виду, долго Эву разглядывал. И даже руки к ней потянул, что было невероятно омерзительно!

Эва едва не умерла от ужаса.

Но появился Стефано.

— Грабли убрал, — сказал он довольно грубо. — Не про тебя.

— Тю... не больно-то и хотелось. — Тот, третий, выглядел бледным и каким-то больным. Лицо его, испещренное мелкими шрамами, которые остаются от оспы, вызывало отвращение, как и редкие сальные волосы. — Но может, того... я заплачу...

Стефано молча ударил.

И Эве даже задышалось легче. Хотя, конечно, благородный человек не станет пинать другого человека, выговаривая при этом совершенно неприличные слова.

Эва точно не знала значения, но была уверена: неприличные.

Так выражался папенькин конюх, когда пребывал в состоянии душевного расстройства. А Эва как-то подслушала. Не специально. Просто... просто пряталась.

Вот и...

— Еще раз полезешь... — Стефано поднял наглеца за горло и потрянул хорошенько. Тот висел в руках Стефано тряпкой. — Я тебе грабли так переломаяю, что до конца своей жалкой жизни шевелить не сможешь. Ясно?

— Ты... — Человек булькнул что-то.

— Годе. — Вновь появился чернобородый. — Ты, Эндрю, что-то больно суров.

— Я на эту идиотку несколько месяцев угробил. — Стефано уронил того отвратительного типа и плюнул на него.

Про кого он?

— Не хватало теперь, чтобы какой-то придурок товар испортил.

— Он не полезет. Клай, приглянь.

— Погодь, надо ее переодеть. — Стефано запрыгнул и склонился над ящиком. Он прижал пальцы к шее, и в этом прикосновении не было и тени нежности.

Почему-то стало страшно.

Очень-очень страшно.

— Я Майку кликну. Подберет чего от девок. А она того... не того, часом?

— Живая. Но сейчас...

Ее приподняли, и к губам прижалась та самая, уже знакомая фляга.

— Сильная. Еще очнется до срока, кричать станет, — пояснил Стефано. — А так... ты весточку отправил?

— Еще когда. Обижаешь.

И снова ушли. Зато появилась женщина. Узкая. Бледная. Уродливая, как все в этом месте. За нею шел огромный мужчина, правда, двигался он медленно и выражение лица имел такое, что Эва сразу поняла: убогий.

Но ее на руки подхватил легко.

И понес за женщиной.

То, что происходило дальше, заставило Эву возмущенно открывать рот. И закрывать. И снова открывать, только вместо крика выходил сдавленный писк, который слышал лишь черный толстый кот. Да и тот только хвостом дернул, мол, чего разоралась?

Ее раздели.

Женщины. Слава богам, женщины! Но полностью. И одна, выраженная совершенно непотребным образом, долго щупала нижние юбки и языком цокала.

— Положь, — велела та, первая. — Не про тебя.

— А и чего? — Женщина подняла юбку. — Ишь, тоненька кака! Мяконька...

И щекой потерлась, оставляя на ткани следы пудры и румян. Отвратительно! Как они смеют...

— И сама она... — вздохнула женщина. — Хорошенькая... жалко ее.

На Эву натянули жесткую рубашку и платье из грубой ткани того неопределенного цвета, который случается после долгого ношения и многих стирок. У них в доме и прачки-то опрятнее выглядели.

— Вот смотрю и думаю... что ж мы бабы-то за дуры такие? Что ж нам дома-то не сидится?

— Еще поплачь, — фыркнула некрасивая женщина, ответив другой, размалеванной, затрещину.

— Да ну... вот ведь я тоже, может быть... жила у бабушки с матушкой, росла, горя не ведала, — затынула размалеванная, да со всхлипами и подвываниями. — И жениха мне нашли выгодного, да я ж дура-то, счастья своего не уразумела... нехорош оказался. Старый. Кривой. А пошла бы и сейчас, небось, давно б схоронила... жила б себе пресчастливо честною вдовою. У него вона, своя пекарня имелась.

И замолчала.

— Дуры или нет, — сухо произнесла та, первая, — но то не нашего ума дело. Ясно?

Эве ясно ничего не было.

Но кто ее спрашивал?

Тело снова вернули в ящик, а тот перекинули на другую телегу, еще более невзрачную, чем первая. На козлы сел сам Стефано, причем вид у него стал совсем чужой. И лицо будто морщины прорезали. И щеку налево перекосило, а рот пере-кривился.

Из ниоткуда шрам возник.

Не было у Стефано шрамов! Не было!

И седины, что пробилась в черноте волос, тоже не было! Он... он решил, что той, первой маскировки недостаточно? Бойся, что кто-то может... мог бы...

Хотелось верить.

И не получалось.

Почему-то.

Эва зацепилась за тело и заставила себя вернуться. Нельзя надолго уходить, но... травы... теперь она чувствовала яд, что сковал ее. И удивлялась тому, как сразу не поняла.

Капля сока змеекровки.

Редкая трава. Невзрачная. И растет лишь на змеиных лугах, там, где гадюки греются. Она и вырастает от змеиного

яду, оброненного на землю. Людям простым с той травы одна беда. Попадет стебелек махонький в сено, и вся отара потравится. А если уж человека попотчевать...

Откуда у Стефано змеекровка?

И знает ли он вообще о ее свойствах?

Эва и сама знала мало. Только... только что можно составить зелье, которое замедлит сердце и дыхание почти остановит. И человек будет казаться мертвым.

Нет, нет, нет...

Или...

Конечно, маменька ведь, когда узнает, к отцу бросится. А у того друзья. И искать Эву станут заклятьями. А заклятья покажут, что она... мертва?

Ужас какой!

Или... или все еще страшнее?

Ее ведь будут искать не день и не два. И что? Все это время ее будут держать сонной? Но нельзя! Змеекровка ядовита. И в теле она задерживается надолго. И... и так на самом деле недолго убить.

Зато понятно, почему это снова произошло.

Непонятно только, что Эве делать.

К городу прибыли на следующий день.

Ночь Эва провела в том же ящике, а Стефано — в невзрачном, грязном домишке, что прятался среди прочих. То ли это деревня, то ли уже пригород, Эва не знала. У нее получилось удлинить нить, что привязывала ее к телу.

Не сразу.

Но ей... ей нужно было услышать!

Очень.

И нить поддалась. Правда, истончилась опасно, но Эва ведь недолго.

— Вот, стало быть, как... — хмуро произнес Стефано. Он сидел в комнатушке, где едва-едва уместились кривоногий стол и пара стульев. На столе стояли кувшины, лежал разломанный хлеб и куски какого-то мяса. Прямо в лужах жира. — Твою ж... и давно?

— Вот только весточку получил. — Его собеседник с лицом отпетого негодяя — в книгах любви всегда мешают отпетые негодяи, уродливые с виду, и в душе тоже, — жевал хлеб. Задумчиво так. И чистил ногти острием длинного

и столь же уродливого ножа. — Знающий человек настоятельно рекомендовал залечь на дно.

— Что он...

— Не перебивай, — жестко сказал тот, с ножом. — И послушай. Заказчик помер? Это не наша с тобой проблема. Другое дело, что помер он не тихо. Много дерьмо всплыло. И как понимаешь, разные люди начнут задавать разные вопросы.

Это... это какие?

— И многие... в свете последних событий пересмотрят свое отношение к случившемуся.

А речь у него правильная. Даже Стефано иногда... оговаривается. Но ему простительно. Он ведь рос в бедной семье, это уже потом дядюшка понял, что ему наследник нужен.

Или это тоже ложь?

Нет никакого дядюшки, который вот-вот должен уйти, оставив наследство и титул бедному Стефано? И самого Стефано, того хрупкого, слегка застенчивого, так легко краснеющего, тоже нет?

А... кто есть?

На самом деле?

— Твою... — То, что произнес Стефано, Эва вряд ли сумела бы повторить. — И что теперь?

— Теперь... я бы советовал убраться куда-нибудь подальше. Скажем, вот в Старом Свете, говорят, неплохо устроиться можно. Если с деньгами.

— С деньгами везде можно.

— Что, уже проигрался?

— Не везло.

— Дурак ты, — покачал головой человек. — Ладно... девка твоя что?

— Да спит. Что с ней делать-то?

— Ну... я бы посоветовал избавиться. Она тебя видела.

И не только его! Эва стиснула кулачки. Ее разрывало от гнева. И обиды. Как так! Она ведь... она ведь его любила! По-настоящему!

Так, как только можно любить человека! Чтобы с первого взгляда и до последнего вздоха.

— Жалко...

— По-настоящему жалко станет, когда ее родичи тебя отыщут.